

404118

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО БССР

МИНСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ им. А.М. ГОРЬКОГО

404118

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ
И ПРЕПОДАВАНИЯ

Материалы конференции

Минск 1991

Директорская
Библиотека БССР
им. У. И. Ленина

404118

Печатается по решению Президиума педагогического общества БССР

Редсовет: А.М.Бордович, М.Г.Булахов, А.П.Груцо

Рецензент — профессор Белорусского государственного университета им. В.И.Ленина Б.А.Плотников

Помещенные в сборнике статьи освещают различные вопросы фонетики, лексики, словообразования и грамматики русского языка в сравнительно-сопоставительном и описательном аспекте, а также некоторые особенности преподавания русского языка в вузе и школе.

Сборник предназначен преподавателям пединститутов, учителям, аспирантам и студентам.

Н.С.ВИЛЮГА

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА РОМАНА Л.Н.ТОЛСТОГО
"ВОСКРЕСЕНИЕ" НА БЕЛОРУССКИЙ ЯЗЫК

Словарный объем произведений Л.Н. Толстого, как известно, чрезвычайно широк, причем многие слова по употреблению в разных контекстах имеют больше лексических значений, чем это установлено и описано авторами словарей русского языка. Все это вызывает большие трудности при переводе произведений писателя на другие языки, в том числе и на белорусский.

Из крупных произведений Л.Н. Толстого на белорусский язык переведен только роман "Воскресение".

Мы рассмотрим лексические значения слов белорусского перевода в соответствии со значениями слов русского оригинала. Отметим прежде всего те места этого перевода, в которых авторы смогли подобрать трудные для подражания, на наш взгляд, русским словам точно соответствующие по значению белорусские слова, например, представительный — сасаднін (—Я,— сказал представительный господин. —Я,— скажу сасаднін), почтительный, восторженный — пачцівы, захоплены (Сна палюбіла яе асаблівай, пачцівай і восторжанай любовью. Яна палюбіла яе асаблівай, пачцівай і захопленай любовью), дешевый — танны (Отдать им за дешевую цену землю. Дадзе ім за танную цану зямлю), честный, самоотверженный — сумленны, самаахвярны (Тогда он был честный, самоотверженный юноша. Тады ён быў сумленным, самаахвярным юнаком), изможденный — змардаваны (Филип стал делать то, что приказывала ему изможденная, бессильная княгиня. Філіп пачаў рабіць тое, што загадвала яму змардаваная, знясіленая княгіня), изнеженный — распешчаны (После развратной, роскошной и изнеженной жизни ... Пасля распешчанага, раскошнага і распешчанага жыцця), умилять — расчуляць (Эта мысль нынче утром особенно умиляла его. Гэта думка сёння раніцою асабліва расчуляла яго)².

¹ Л.Н.Толстой. Воскресение. Под ред. М.Кульскага. — Минск: Мастацкая літаратура, 1937; Л.Н.Толстой. Воскресение. — Минск: Беларусь, 1975.

² Русско-белорусский словарь, т.2. Под ред. К.К.Атраховича. Минск: Белорусская советская энциклопедия, 1982.

дается легко, плавно и неторопливо. Амфибрахий позволяет обойтись без пиррихия, который усилил бы ритмическую оппозицию. Незначительное ритмическое напряжение создают лишь утяжеленные стопы, кончающиеся ударным слогом (мгла - весела, хороши - дули). Рифмы классически правильны (косы-откосы, песен - чудесен, слезы - березы). Особенностью рифм этого стихотворения является повторение целых звуковых сочетаний: одета - лето, слезы - березы, кружевной - лесной, песен - чудесен).

Высокохудожественное произведение заключает гармонию образной и звуковой стороны слова. Искусная фонетическая организация речи усиливает выразительность образных средств языка. В тексте "Береза" среди согласных звуков более трети занимает употребление сонорных и флота [л]. Эти звуки способствуют плавности и музыкальности, а в сочетании с гласными звуками (259 употреблений) создают высокую звонкость (благозвучие) произведения (ср. 161 раз использованы другие согласные). Интересно отметить одинаковое количество гласных в каждой строфе -- по 34 звука. Такая упорядоченность вызвана метром стихотворения. В трех строфах примерно одинаково и количество сонорных (14, 13, 16). Только в последней строфе наблюдается наименьшее количество сонорных (10), что вызвано звукописью иного рода. В пятой строфе усилена аллитерация шипящих [ж], [ш] и глухого [т]: хоро[ш]и и [ш]т о ка[ж]е[ц]а в[ш]уме березы ес[т] [ш] [т] о- [т] о [т] русской ду[ш]и. Звукопись здесь необходима для передачи шума (шелеста) берез.

В стихотворении преобладает ассонанс звука [о], особенно в первой и третьей строфах. На втором месте ассонанс [э] - пригрело чудесен, песен, митей, дерева, сердцу. Вот схема ассонансов в строфах:

I о - э - о	II э - а - э	III а - э - о	IV а - о - о
а - у - э	о - э - о	о - о - а	э - о - э
о - о - о	а - а - э	и - у - о	о - у - э
э - о - э	а - у - о	о - о - а	о - о - э

Ассонанс узких и средних звуков помогает передать некоторую сдержанность в выражении чувств лирического героя, эмоциональную нежность в отношении к березе.

Широкий звук [а] чаще встречается во второй строфе: вся, платье, встречает, горячее, она. Это не случайно: он отвечает передаче радости лирического героя при описании опоэтизированного облика березы, ее внешней красоты.

Итак, традиционному образу березы в стихотворении В. Рождественского соответствуют традиционные языковые средства и традиционный размер стиха. Именно эта традиционность и содействовала созданию высокохудожественного поэтического произведения.

И. П. Кудреватых

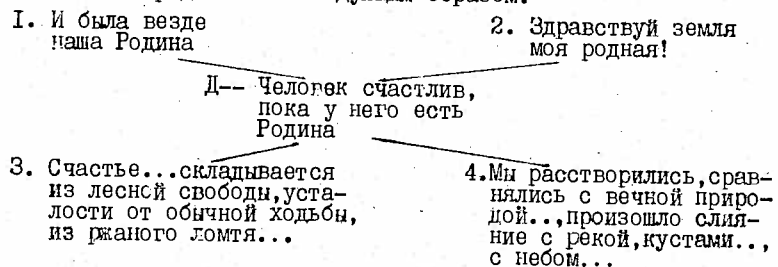
ЛОГИКО-ГРАММАТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА РАССКАЗА

Грамматическая организация текста полностью подчиняется законам мыслительной организации, то есть форма зависит от содержания, иными словами, формально-грамматические отношения определяются отношениями семантическими -- и в конечном итоге устанавливается логико-грамматическая зависимость (для автора на "выходе" -- смысл, на "входе" -- форма (1)). Как указывает Н. Ю. Шведова, "семантика не существует сама по себе, без грамматического оформления, а таким оформлением является все синтаксическое поведение предложения" (4, 483). Разовоим себе перенести данное положение на уровень текста.

Рассказ -- это малая форма эпической прозаической литературы. Информационно предельно сжата, лаконична. При кажущейся внешней простоте рассказ имеет сложную внутреннюю структуру: размеры его предельны, что связано со смысловой и грамматической насыщенностью, при минимальном объеме -- отсутствие фонового окружения ядра, в чем заключаются трудности его выделения, иногда малоответвлений от доминанты, часто отсутствуют парадигматические связи между текстовыми единицами. Таким образом, рассказ -- наиболее яркий образец "нарушений" и смысловой, и формально-грамматической структуры языка. Но тем не менее связь периферийных ядер с доминантой характеризуется разнообразием, внутренние отношения в большинстве случаев подтверждаются формальными средствами. Поэтому интересно проследить пути формирования информации рассказа, который в структурном отношении может представлять собой один блок¹, но с большим разнообразием смысловых центров.

1 Блок информации -- это структурно-мысловое единство, включающее от одного до нескольких сферифразовых единств, объединенных единой темой, которая устанавливается из совокупности смыслов, в концентрированном виде выраженных в ядре блока и маркируемого грамматическими характеристиками языка. Дистантно расположенные БИ составляют тематическое единство. Текст создается линейной последовательностью БИ и их контаминацией.

Основная мысль рассказа В. Белова "Бобринный угор" — человек счастлив, пока у него есть родина". Выраженная в форме предложения, она повторяется дважды при дистантном расположении, лишь с небольшой разницей в значении слова Родина: человек начинается с малой родины — с родного дома, с родного очага, которая позже выливается у него в чувство большой Родины. Проследим, в какие логико-грамматические отношения вступают дискретные единицы, формирующие связный текст. Функционально-семантическое поле рассказа можно представить следующим образом:

Сама счастья обуславливает ассоциативную связь между единицами текста, понятийная значимость ядер одинаковая, то есть устанавливается семантическое тождество, образуются своего рода поля-синтагмы: счастье — это Родина, родная земля, вечная природа, лесная свобода и т.д. Каждое ядро является обобщением определенной информации — проецирующей части, выступающей как определяемое и находящей подтверждение в синтаксических показателях определяющих: так, значение первого ядра подтверждается субстантивными словосочетаниями: мощный ток неслышимой реки. Млечный Путь далекого деревенского детства, гармония широкого засыпающего леса, теплые ельники и др. Значение второго ядра конкретизируется уже предложением — Земля моя родная; Так бежен наш язык, когда пытаешься говорить о сокровенном. Их смысловая зависимость находит и внешнее подтверждение: семантическое подполе (Родина, земля моя родная), представляющее референтно-кореферентную синонимию, является средством выражения самой тесной когезии ядер. Третье и четвертое ядра уже в самой структуре предложений, в цепочке родительного и творительного падежей содержат конкретизацию понятия "счастье", которое ассоциативно связывает их с доминантой рассказа, причем, грамматическую зависимость третьего ядра маркируют тематические отношения: так, в доминанте кор-

реляцией семи счастья является предикат счастлив, в третьем ядре — субъект счастье. И в первом, и во втором случае они выступают темой сообщений. Таким образом, по отношению к выделенным ядрам доминанта — это субъект, сконцентрировавший в одно объемное понятие семантику отдельных элементов, или связующее ядро, объединительная функция которого проявляется в установлении семантического тождества проецирующей и комментирующих частей рассказа,

Следовательно, степень когерентности текста максимальная: семантическая — интерпретация денотатов определяет логическую валентность, аргументирующую семантическое тождество понятий; синтаксическая — связь эксплицитного референтно-кореферентной синонимией; стилистическая. Ассоциативная когезия устанавливает тождество денотатов, актуализатором которого выступают понятийные категории, обращенные к одному референту (родина, счастье).

Приведем еще пример ассоциативной когезии. В рассказе Ю. Казакова "Кабан" мы выделили две доминанты, которые находятся в контрадикторных отношениях, поскольку в основе их — привативная оппозиция, то есть первая доминанта содержит наличие признака (понимание того, что суеверие — это пережиток), а вторая — характеризуется полным отсутствием данного признака. Отношения контрадикторности мы устанавливаем только на уровне смысла: 1) "Суеверия надо искоренять!" и 2) цепочка дистантно расположенных глаголов и глагольных словосочетаний, характеризующих состояние человека: вскочил и прыгнул; ударился по дороге; ломилось, солено, дышало холодом; перекреститься; пытаются схватить; со страхом думать; стукнул зубами и помертвел; заорал; духом пронесся; боялся думать; натянул на голову гиджак; повизгивал от страха; побежал крупной рысью; резко осадил и вытаращился; не мог справиться со слабостью; окатывался потом, коротко дышал. Глагольное выражение состояния отличается динамизмом в отличие от состояния, не имеющего глагольного выражения. Поэтому именно вторая доминанта определяет прогрессию рассказа.

Итак, первая доминанта — логическое умозаключение, вторая полностью противоречит первой. Отношения контрадикторности имплицитированы семантикой коррелятов — поведение человека в обычной и экстремальной ситуации. В первой доминанте значение побуждения к активному действию, которое заключено в форме инфинитива, аргументируется и ее фоновым окружением: Надо усилить атеистическую пропаганду; захотелось поговорить с кем-нибудь о куль-

турном, об умном. Вторая доминанта, репрезентированная синтагматической цепочкой глаголов, коррелирует значение страха. Семантика понятий "суеверие" и "страх" перекрещивается, то есть уста — навливается взаимообратная мотивированность значений: суеверие порождает страх, страх порождает суеверие.

Аргументацию семантической значимости выделенных доминант подтверждают зависимые ядра, которые также устанавливают различные логические отношения между собой: 1) "приходят... кабиасы"; 2) "Плохо у меня дело с атеистической пропагандой поставлено"; 3) "Впереди и немного слева стояли и ждали его кабиасы"; 4) "Он стал перскивать заново весь свой путь, всю дорогу, но теперь со счастьем, с горячим чувством к ночи, к звездам, к залахам, к шорохам и крикам птиц". Действия героя находятся в противоречии с его рассуждениями. Первое и третье комментирующие ядра связаны причинно-следственными отношениями со вторым, которое является выводом предыдущей и последующей пропозиции. Между собой они эксплицируют отношения тождества, актуализатором которого выступает субъект кабиасы, то есть наблюдается не только семантическая когезия, но и синтаксическая. Четвертое ядро уже в самой структуре предложения эксплицирует отношения контрадикторности наличием противительного союза но, а связь с предыдущими ядрами проявляется имплицитно, только внутренним значением — освобождение от страха, устанавливая, таким образом, по отношению к предыдущим оппозицию эквиолентности. Поэтому данная ситуация находится с предыдущими ядрами в логических отношениях контрадикторности: страх — освобождение от страха. Помимо внутренних отношений между аргументирующими частями определяем когезию и на синтаксическом уровне: дистантность грамматического субъекта и предиката в 1-ом, 2-ом и 3-ем предложениях, что коммуникативно обусловлено. Параллельные отношения зависимых ядер с доминантами устанавливаются только на семантическом уровне, опосредованно, одно через другое. Например, 3-е ядро через вторую доминанту связано со 2-ым и 4-ым ядрами; 1-ое ядро через первую доминанту ассоциативно соединяется со вторым ядром и т.д. "Соотношения по ассоциации, — отмечает А.А. Мецлер, — устанавливаются благодаря поиску коррелирующих элементов по определенной программе, которая сложилась в человеческом мозгу на базе субъективно-социального опыта людей. Выбор последующего звена блока... обуславливается не жесткой цепью следования соответствующих единиц, а осмысленным выбором элемента из

серии возможных, которые благодаря действию закона обратной связи являются наиболее приемлемыми в корреляции с данной конкретной реальной ситуацией" (I, 55-56).

Проанализировав данные рассказы, мы определили следующие виды внутренней когезии и способы ее внешнего выражения: 1) семантическое тождество понятий, которое может подтверждаться референтно-когезивной синонимией и 2) отношения смыслового различия понятий¹, в частности, отношения исключения, внеположенности. Внешние показатели связи во втором случае отсутствуют, когезия только релятивная.

Рассказ может характеризоваться наличием двух доминантных структур, при условии контрадикторных или контрарных отношений между ними. Для рассказа, как и для романа, свойственна избыточность информации, несмотря на его объем.

Существуют определенные противоречия в том, что язык науки строго отбирает грамматические формы, а художественный не отбирает, то есть в языке художественной литературы прослеживается универсальность внешней структуры. И тем не менее любой автор, какую бы идею ни преследовал, пишет по нормам, по законам современного русского языка.

Литература

1. Мецлер А.А. Структурные связи в тексте. — Кишинев. 1987. 141 с.
2. Новиков Л.А. Семантика русского языка. — М.: Высшая школа, 1982. — 272 с.
3. Храковский В.С. Типы грамматических описаний и некоторые особенности функциональной грамматики // Проблемы функциональной грамматики. — М.: Наука, 1985. — С.65-77.
4. Шведова Н.Ю. О соотношении грамматической и семантической структуры предложения // Славянское языкознание: доклады советской делегации // VII Международный съезд славистов. Варшава. — М.: Наука, 1973. — С.453-483.

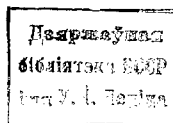
А.В.Менжинская

АКЦЕНТУАЦИЯ БЫТОВЫХ ГАЛЛИЦИЗМОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Фонетическое освоение заключается не только в звуковом, но и в акцентном уподоблении заимствований исконным словам принимая — I Термины Л.А. Новикова. См.2.

О Г Л А В Л Е Н И Е

1. Вильга Н.С. Особенности перевода романа Л.Н.Толстого "Воскресение" на белорусский язык	3
2. Володько А.В. Снимы и отономастические образования французского происхождения в общественно-политической лексике русского языка середины XVIII-XIX вв.	7
3. Гвоздович Г.А. Структурные типы простых русских и белорусских грамматических терминов	11
4. Горняк В.В. Призносительные особенности литературных персонажей Ф.А. Абрамова как средство создания дополнительной смысловой информации	17
5. Григорьевич М.П. Народная речь в сказках М.Е.Салтукова-Щедрина	23
6. Дикун Т.А., Трофимович Т.Г. Оптимизация учебного процесса на этапе закрепления знаний (На материале темы "Причастие" в VI классе).	28
7. Журавская Н.С., Круталевич М.М. Лексические полюзисмы в русскоязычных изданиях Белоруссии	35
8. Козырев Л.И. По одежке протягивай ножки (материалы для исторического словаря русской фразеологии)..	39
9. Козырева Т.Г. Лингвистический анализ стихотворения В.Рожественского "Береза"	45
10. Кудреватых И.П. Логико-грамматическая структура рассказа	53
11. Мейкинская А.В. Акцентуация бытовых галлицизмов в русском языке	57
12. Молочко Г.А. Субстантивация в русском и белорусском языках	64
13. Навляченко Т.А. Развитие связной речи студентов туркменов при изучении литературного текста	68
14. Поспелова В.И. О некоторых вопросах терминологического развития	72
15. Потехина Е.А. О фонетических дублетах лексем словообразовательного гнезда <u>крѣсть</u> / <u>хрьсть</u> в древнерусском языке	76

404118

16. Пучинская А.Н. К вопросу об апозиопезисе в современной публицистике	83
17. Фомина В.С. Анализ одной из групп фразеологических единиц (ФЕ) с компонентом <u>зеленый</u>	87

Научное издание

Русский язык как объект изучения и преподавания

Материалы конференции

Ответственная за выпуск

Г.А.Гвоздович

Подписано к печати 12.12.90. Формат 60 x 84 1/16. Бумага писчая № 2. Офсетная печать. Усл. печ.л. 5,87 (5,45). Усл. кр.-от.5,8. Уч.-изд. л. 5. Тираж 80 экз. Заказ 16 . Цена 1 р.

Ротапринт МПШ им.А.М.Горького. 220809, Минск, ул.Советская,18,